

ЖИЗНЬ В ПОСЕЛЕНИИ ДЛЯ БЕЖЕНЦЕВ: ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ

В конце 1980-х годов, по мере ослабления контроля над политическими событиями в Советском Союзе, происходило усиление националистических настроений в Грузии и, как реакция на это, усиление сепаратистских тенденций в Абхазии и Южной Осетии. В ноябре 1989 года началась первая “грузино-осетинская” война, которая длилась около года, а в январе 1991 года – вторая, которая продолжалась около двух лет. В результате второй войны 15 тысяч этнических грузин, проживавших в Цхинвали и близлежащих селах, вынуждены были покинуть родные дома и переместиться во внутренние районы Грузии, в основном в Тбилиси. Они получили статус внутренне перемещенных лиц (ВПЛ). Все последующие годы ситуация в зоне конфликта оставалась напряженной. Несмотря на это, грузинское население Южной Осетии, оставшееся в моноэтнических и смешанных грузино-осетинских селах, не покидало мест своего проживания.

Летом 2008 года ситуация в зоне конфликта крайне обострилась, по ночам обстреливались мирные села, происходили убийства, грабежи, похищения людей. Власти больше занимались информационной войной, взаимными обвинениями, нежели поисками выхода из тупиковой ситуации. 8 августа 2008 года вновь начались военные действия. Вооруженные силы Грузии заняли город Цхинвали. 9 августа российские войска вытеснили грузинских военных из города, а потом и со всей территории Южной Осетии и прилежащих к ней районов. В результате этих событий погибли сотни людей, была разрушена инфраструктура региона. В Грузии появились “новые беженцы” – ВПЛ из Южной Осетии.

Термин “перемещенное лицо” – это калька с англоязычного термина “displaced person”. Внутренне перемещенные лица – лица, вынужденные массово бежать из своих домов в результате вооруженного конфликта, внутренней розни, систематических нарушений прав человека или стихийных бедствий, но оставшиеся на территории собственной страны.¹ С какими вызовами встретились лю-

¹ Гудвин-Гилл Г. Статус беженца в международном праве. Москва: ЮНИТИ, 1997, с. 314-315.

ди, насильственно перемещенные из Южной Осетии? Как они преодолелись на различных этапах? Какую роль сыграли в этом государство, международные и общественные организации? Какие усилия прикладывают сами люди для того, чтобы приспособиться к новой реальности и по-новому организовать свою разрушенную жизнь, упорядочить ее? И как это у них получается? Какие стратегии выживания выстраивают различные группы ВПЛ из Южной Осетии? Эти вопросы были ключевыми в процессе исследования.

1. Методология исследования

Первоначально мы ориентировались на традиционное использование качественных методов: интервью и фокус-групп. Мы провели два интервью с экспертами и организовали три групповые дискуссии. Всего в фокус-группах приняли участие 25 человек в возрасте от 25 до 60 лет со средним и высшим образованием.

Однако основным методом исследования стало участвующее наблюдение. Для этого мне пришлось летом, в течение трех недель, жить в одном из поселений, специально построенном для ВПЛ (зимой мне еще раз на несколько дней довелось приехать туда для пополнения и проверки собранных материалов). Безусловно, ни один другой метод не дал бы мне столь полного и исчерпывающего ответа на поставленные вопросы, тем более что в Грузии до сих пор, по нашим данным, не проводились исследования проблем сообщества беженцев с использованием метода участвующего наблюдения. Информация, которую мы получили из групповых дискуссий и интервью, оставила сомнения и ощущение незавершенности.

Поселение и место проживания были найдены легко, достаточно было через знакомых выйти на человека, имеющего к нему доступ. И все же решение поехать в поселение для того, чтобы провести там определенное время, оказалось трудным. Меня пугали не плохие бытовые условия, а те переживания, которые, как я предвидела, ожидали меня там. Интуитивно я чувствовала, что меня ждут впереди не обычные отношения исследователя и поля, и что мои будущие эмоции будут связаны с моим личным опытом. Хотя выбор темы был продиктован именно этим опытом.²

² Во время грузино-абхазской войны моя семья вынуждена была уехать из Абхазии, где я родилась и провела раннее детство. Последствия этого, которые до сих пор еще дают о себе знать, сильно повлияли на мою социализацию.

Трудно не согласиться с мнением, что в исследованиях, проведенных качественными методами, “обязательно “присутствие” автора, его переживаний, ощущений или эмоций, так как рефлексия собственного опыта <...> и <...> переживаний в поле – обязательная часть <...> работы исследователя <...>. Рефлексия о проблемах и личных переживаниях исследователя в процессе полевой работы скажет о феномене не меньше, <...> чем его осмысление лишь посредством сугубо” “научного” языка.”³

Во многих исследованиях и учебниках по методологии говорится о дискомфорте, даже фобии исследователя до и во время пребывания в поле. Я этих чувств не испытывала, напротив, я ощущала спокойствие. Впервые оказавшись в поселении, я поняла, что именно такого рода полевая работа даст достаточно необходимой информации. Если выразиться метафорически, то я почувствовала себя в эпицентре землетрясения. Однако в процессе пребывания в поле мое восприятие поселения менялось. На первых порах я романтизировала новую для меня реальность, но постепенно это чувство меня покинуло. Я стала воспринимать изучаемое пространство как “пустое и безжизненное”, так как поняла, что у живущих там в удручающей нищете и скуке с тоской по прошлому людей нет обнадеживающей перспективы.

Жизнь в поселении и постепенное налаживание отношений с его жителями позволили прочувствовать и понять людей “изнутри”, посмотреть на окружающее их глазами. Хотя многие авторы считают необходимым дистанцироваться от объекта исследования, мы не ставили перед собой такой задачи. Напротив, я стремилась максимально участвовать в их повседневной жизни, была ли это работа в огороде, дома, даже записалась на курсы керамики, которые посещала местная молодежь.

Перечисляя необходимые для полевой работы качества, опытные исследователи делают акцент на профессионализме, эрудиции, информированности, коммуникабельности. Я довольно коммуникабельна, и потому с самого начала налаживание отношений с людьми мне не представлялось проблемой. Быстро распространилась весть о том, что я беженка из Абхазии. Тот факт, что они воспринимали меня больше как беженку, нежели исследователя, давал надежду, что люди подпустят меня ближе, больше раскроются. Дистанция, которая могла

³ Бредникова Ольга. “Чистота опасности”: field-фобии в практике качественного социологического исследования // Уйти, чтобы остаться. Социолог в поле / Под ред. Виктора Воронкова и Елены Чикадзе. Санкт-Петербург: Алетейа, 2009, с. 32.

возникнуть из-за моей миссии как исследователя, “перекрывалась” нашим общим статусом, и большинство знакомств начинались с обсуждения этой темы. Однако это не гарантировало меня от тех многочисленных ситуаций, когда люди не договаривали что-то только потому, что в числе слушателей была я. Особенно это чувствовалось в разговорах о политике. К концу пребывания в поле я переняла эту сдержанность – “дискурс невольно овладевал мной”.

Этому наблюдению можно противопоставить мой другой опыт, когда почти незнакомые люди делились со мной важной и закрытой информацией. Причиной такого поведения могло быть желание поговорить на самые разные темы в условиях, когда эти люди не находили других возможностей быть услышанными кем бы то ни было.

Жители поселения – теплые, внимательные люди. Рассказывая что-то, добавляли – *“вот, как своей дочке тебе говорю”*. Приглашали в гости, старались угостить всем, что есть. Примеров человеческого участия и доброжелательности было очень много. Однажды молодой отец пригласил меня на крестины своего сына в село, находящееся в зоне конфликта. В другой раз, когда я выезжала из поселения, соседка бегом догнала маршрутку и дала мне в руки черный пакет, в который были упакованы перепелки (однажды я обмолвилась, что люблю их). Добрые отношения с людьми, искреннее стремление помочь им и понять их позволили мне собрать бесценный материал о повседневной жизни этих людей.

К моменту проведения мною исследования в Грузии было около 35 поселений, специально выстроенных для ВПЛ, с общим числом котеджей в них – 8 тысяч. В одном из таких поселений нами и было проведено участвующее наблюдение.

2. Путь беженца - новые вызовы

Сразу после августовских событий 2008 года в различные регионы Грузии из Южной Осетии и прилежащих районов бежало, по разным данным, от 80 до 100 тысяч человек. Самой острой была проблема убежищ, поскольку многие государственные здания, куда могли бы быть распределены люди, до сих пор были заняты ВПЛ из Абхазии. Первое время часть беженцев жили у родственников и друзей, а те, кто не имели такой возможности, в течение нескольких дней оставались без крова. Все это сильно затрудняло раздачу продовольствия и гума-

нитарной помощи, так что было принято решение создать места временного проживания и, в первую очередь, школы. Параллельно проходил процесс возвращения части ВПЛ в город Гори и села, оставшиеся под контролем грузинских властей.

Проблема убежищ осложнялась еще и тем, что к сентябрю, когда начинался учебный год, все ВПЛ, разместившиеся в школьных зданиях, должны были быть перераспределены в другие центры. Многие беженцы были вынуждены по нескольку раз переезжать, в большинстве случаев это происходило против их желания. Ко всему прочему, большинству ВПЛ заранее не сообщали о планах, касающихся их переселения. Проблема нехватки помещений привела к тому, что часто в одной комнате размещалось несколько семей, и это воспринималось людьми очень болезненно. Скученность, трудности с соблюдением личной гигиены, проблемы с водоснабжением и канализацией, часто недоброкачественные продукты питания, предоставляемые им в качестве гуманитарной помощи, обострение хронических болезней, учащение инфекционных заболеваний, недостаток медикаментов – вот те проблемы, с которыми столкнулись люди на первых порах. *“Проблемой было абсолютно все. Что не было проблемой, с чем не столкнулись?! В первые дни не знали куда идти, где переночевать, что есть. Кто в домашней одежде и тапочках был, а у кого и эти тапочки сорвались, когда бежал. Что должны были делать?”*

По словам информантов, острота вставших перед ними проблем зависела от места размещения. *“Некоторые довольны – на них сразу обратили внимание. Но куда я попала вначале, это школа была, 3-4 дня дети у нас лежали прямо на партах, ничего не принесли. И от местных помощи никакой не было. Директор школы встретил агрессивно, вопросом “вы скоро отсюда уйдете?”*. Однако во многих случаях трудности первого этапа решались именно благодаря поддержке местного населения и общественных организаций.

В сентябре 2008 года правительство Грузии дополнило Стратегию по размещению ВПЛ из Цхинвальского региона. Она предполагала три различных направления решения проблемы: помощь в восстановлении жилья для тех семей, которые возвратились в места своего постоянного проживания; обеспечение временным убежищем тех, кто должен будет пережить зиму в статусе ВПЛ; обеспечение постоянным проживанием ВПЛ, которые вынуждены будут длительное время оставаться в этом статусе. В последнюю категорию вошли в основном жители деревень, расположенных непосредственно на территории Южной

Осетии. Их число достигает 30 тысяч человек. Стратегия размещения ВПЛ не оговаривает такие аспекты, как обеспечение их средствами существования, образованием и социальным обеспечением. Упомянутый документ рассматривает исключительно вопрос размещения ВПЛ.

Для обеспечения ВПЛ постоянным жильем начали строить специальные поселения. Согласно исследованиям международных организаций, строительство таких поселений позволило правительству сэкономить средства на подготовку к зиме временных коллективных центров, которые могли быть использованы только один сезон. Однако качественно выполнить огромный для небольшой страны объем работ в кратчайшие сроки было нереально. В процессе строительства ощущалась нехватка строительных материалов. Кирпичи и деревянные доски производились и немедленно использовались, не было достаточно времени для их просушки. Поспешность, с которой строились коттеджи, стала причиной многих проблем для размещенных там людей: протекающие потолки, влажные стены и деформированные полы.

Из-за того, что Стратегия учитывала исключительно вопросы размещения, люди, переведенные в поселения, столкнулись с огромными трудностями, связанными с отсутствием необходимой инфраструктуры и средств к существованию. Примечательно, что сами ВПЛ не участвовали в строительстве домов, в которых им пришлось жить. Конечно, если бы ВПЛ сами строили дома, они делали бы это добротнo, однако при этом стали бы свидетелями того, из каких некачественных материалов, с какими нарушениями строительных норм шло строительство коттеджей.

Часть ВПЛ отказались от коттеджей и в качестве компенсации получили 10 тысяч долларов на приобретение жилья. В некоторых случаях на людей было оказано давление, чтобы вынудить их согласиться на коттеджи (например, путем отключения света на Новый год!). В связи с проблемой “отказников” возникает несколько вопросов. Если на строительство коттеджа, рассчитанного на одну семью, было израсходовано 28 тысяч долларов, то почему семьям-“отказникам” предложили в виде компенсации лишь треть этой суммы? Эксперты не смогли прокомментировать эту ситуацию. Другой вопрос был адресован самим “отказникам” – почему они не согласились на переезд в поселение, в привычную для них среду с частным домом и земельным участком? Люди аргументировали свое решение тем, что не видят

возможности воссоздать прежнюю жизнь в предлагаемых им там условиях. Они хорошо знают, какие средства нужны для того, чтобы создать нормальное хозяйство на селе. *“Все-таки хотим купить квартиру в городе. В деревне у меня было три коровы, куры, свиньи, кролики, все что надо для села. Со стороны кажется, что в селе легко, но селу много нужно”*. Они считают, что в большом городе, где “крутятся большие деньги”, им легче будет найти источник для выживания, имея в виду, в первую очередь, занятие мелкой торговлей.

3. Поселение для ВПЛ – конструирование реальности

3.1. Пространство

Поселок находится на расстоянии около двух километров от трассы. Насколько хватает взгляда видны только открытые поля. Прямо у въезда в поселение стоят люди в военной форме. Это контролеры, которые обязательно проверяют у каждого въезжающего и выезжающего удостоверение личности и интересуются целями визита. На мои попытки выяснить у них причины проверки, я всегда получала один и тот же ответ – “чтобы не пропустить в поселение русских и осетин”. Это объяснение достаточно сомнительно, поскольку в самом поселении живут осетины, представители смешанных семей. На уточняющие вопросы охрана не смогла или не захотела отвечать, повторяя, что “сверху так приказано”.

Когда я в первый раз прошлась по поселку и увидела ровные ряды коттеджей, расположенных на одинаковом расстоянии друг от друга, зелень вокруг них и людей, работающих на своих огородах, то подумала, что все не так плохо, как мне представлялось до приезда, когда я знакомилась с отчетами международных организаций. Эта упорядоченность строений и “обычность” первых впечатлений определили мое позитивное поначалу восприятие. При этом меня не покидало чувство, что таким образом организованное пространство никак не может быть деревней.

В поселении больше ста типовых коттеджей. Площадь каждого – 60 квадратных метров. В коттеджах нет прихожей, за входной дверью сразу попадаешь в квадратную комнату, одну из имеющихся трех. В доме тети Лили (так зовут мою хозяйку) в этой комнате стоят самодельные тахты, школьные стулья, где-то ею раздобытые, на подставке стоит

хороший телевизор. Телевизоры, маленькие холодильники, кровати и домашнюю утварь людям раздали. Эта комната служит гостиной и столовой, поскольку кухни очень маленькие. Хотя некоторые семьи все же ухитряются использовать эту кухню как столовую. В кухне – столик, на стене над краном висит маленький шкаф для посуды. На полу – электрическая плитка с открытой спиралью, на ней готовится еда. Есть кран с раковиной, но за все время, что люди живут в этом поселении, из кухонного крана никогда не шла вода. Вода и газ в коттеджи не проведены, несмотря на постоянные обещания властей. Стены в кухне из-за сырости покорежены.

Две оставшиеся комнаты используются как спальни. В одной из них, где жила я, стоит двуспальная кровать, на школьном стуле стоит узкое потертое зеркало, у стен лежат коробки, оставшиеся от гуманитарной помощи. Из окна комнаты видно кукурузное поле и крыши коттеджей. В третьей комнате стоит двуспальная кровать и шкаф. Эту комнату моя хозяйка использует еще и как подсобное помещение для хранения овощей и банок с заготовками на зиму. Полы покрыты деревянными досками, которые неплотно прилегают друг к другу. В щелях между ними собирается грязь и подметать полы очень трудно.

В коттеджах нет ни ванной, ни душевой. Вода для гигиенических процедур разогревается на электрической плитке. Мытье происходит в комнате с помощью тазиков и лоханок. Надо мыться осторожно, чтобы не расплескать слишком много воды на деревянный пол. “Мокрая точка” представлена краном на улице, на несколько коттеджей один кран. Туалеты деревянные, недалеко от коттеджа, на каждый коттедж по туалету. Конечно, для многих сельских жителей это привычно, но главное неудобство в том, что ни в туалетах, ни рядом с ними нет освещения.

На каждый коттедж выделено по семь соток земли, расположенной вокруг них. Сельские жители сразу же стали обрабатывать выделенные им земли и выращивать кукурузу, зелень, картофель, морковь, свеклу, помидоры, фасоль, болгарский перец. Земля используется максимально, даже около туалетов (признаться, мне было неприятно употреблять в пищу овощи и зелень, собранные в метре от туалета).

Рядом со многими коттеджами (и у моей хозяйки) сделаны цветники. Земля здесь, по сравнению с их “родной землей”, неплодородная, но, что больше волновало жителей поселения, нет возможности для полива, и все зависит от дождей. Целый день люди посматривают на небо, “мужественно” ждут дождей. Ко всему вода здесь не такая хорошая,

как в их родной местности, в ней много примесей и солей. Однако людей больше всего беспокоило то, что это плохо для урожая, нежели то, что это вредно для здоровья.

В поселении нет больших деревьев, дающих тень, и все время печет солнце. Летом быть на улице очень трудно. Работа на огородах, приготовление еды и заготовок на зиму, общение с соседями и телевизор по вечерам – это и заполняет повседневную жизнь людей в поселении. Новое пространство отразилось на внешности людей. Из-за палящего солнца, которое нещадно жжет кожу, все время приходится прищуривать глаза: *“Я думаю, что мы скоро изменимся, будем совсем другими, другого цвета, с узкими глазами и морщинистые”*.

Позже поселение стало вызывать у меня ассоциацию с каким-то американским фильмом – где-то в Техасе также стоят одинаковые дома, вокруг которых кукурузные поля. Ночью очень тихо, небо покрыто звездами, и из-за кукурузы видны только крыши домов и горящие плафоны уличного освещения – это мне напомнило тюремный двор. Днем на ветру початки кукурузы трутся друг о друга, производя особый звук-шорох, который со временем все больше начинал раздражать меня, особенно на фоне мертвой тишины.

Поселение с его изолированностью, жесткостью границ и особым обликом настолько не похоже на окружающие села, что это уже само по себе создает барьеры, отделяет “своих” от “чужих”.

Периодически в поселении обсуждается тема границ, которые создаются самими жителями. Например, люди хотят огородить свои участки сетками: *“Да, я знаю, где заканчивается мой участок и где начинается чужой, но я все равно хочу, чтобы мой был огорожен”*. В родном селе маленькие участки около домов были огорожены. А огромные участки (сады), располагались в отдалении от домов и огорожены не были не только из-за экономии средств, но и потому, что в этом не было необходимости. Желание информантки, чтобы ее участок был огорожен, можно рассматривать, с одной стороны, как восстановление прежних правил, а с другой – как предупреждение возможных конфликтов, поскольку соседние участки тесно прилегают друг к другу.

3.2. Снабжение продуктами и организация питания

Моя хозяйка живет одна. Ее дочь с мужем и двумя дочерьми 18-19 лет, тоже беженцы, живут в другом поселении. Сын сразу же после

войны уехал в Россию. Родители и брат со своей семьей живут в селе, расположенном в зоне конфликта. Лили – трудяга, каждое утро после завтрака она работает на огороде. Независимо от того, спрашиваю я или не спрашиваю, Лили с энтузиазмом рассказывает, как что росло, как надо ухаживать за растениями и т.д. Урожай овощей небогатый, много червивых и изъеденных мышами картофелин, но это потому, что земли неосвоенные, а на следующий год урожай будет лучше – *“земля привыкнет”*. Во время работы на огороде тетя Лили все время вспоминает свои сады – *“какие сады, какие сады мы оставили...”*

Повседневное питание состоит из продуктов гуманитарной помощи (в основном, макароны, фасоль, рис) и овощей с огорода (картошка, морковь, свекла, кабачки, зелень). Овощи разнообразят скудный рацион и используются для заготовок на зиму. Заготовкам придают особое значение, поскольку люди находятся в неизвестности, будет ли гуманитарная помощь выдаваться в прежнем объеме. Опасения подтверждаются теми обстоятельствами, что в последние месяцы гуманитарная помощь поступает реже и в меньшем количестве. Заготовки впрок – крестьянская практика, ставшая позже неотъемлемой частью советского образа жизни, считавшаяся нормальной практикой распределения ресурсов. Консервировали все, что только можно, даже мясо. Конечно, заготовки, которые люди делают в поселении, не столь значительны и разнообразны, как прежде. Население само печет хлеб в тоне, на 10 коттеджей приходится по одному тоне.

Иногда в поселение привозят овощи и фрукты на продажу. Жители часто жалуются на нехватку фруктов, *“могли бы мы себе представить, что по яблокам будем скучать?!”*. Когда нет денег на фрукты, их обменивают на макароны из гуманитарной помощи, но тогда приходится отдать макарон на один лари больше, чем стоит эквивалентное количество фруктов. Бартер и в прошлой жизни беженцев был нормальной хозяйственной практикой. Но тогда обменивались совсем другие продукты, например, грецкие орехи обменивались на натуральный мед.

Приготовление мяса или курицы – событие, которое сопровождается приглашением соседей, застольем с вином. Это не столько от желания поделиться хорошей едой, но больше от потребности в общении, напоминающем о *“прошлой жизни”*. Охота на перепелок, которой занимаются здесь многие, не только пополняет мясные запасы, но и является важным развлечением.

Вначале хозяйка спрашивала меня, что принести с базара (базар находится в районном центре). Я убедила ее, что мне нужно проникнуться местной жизнью и потому собираюсь питаться тем же, чем обычно питается население поселка. К тому же мне не хотелось, чтобы она тратила на еду те деньги, которые я платила ей за постой. На эти деньги она планировала купить цыплят и печку для зимы, так как те печи, которые им раздали, зимой почти не давали тепла (возникает вопрос, как и кем было принято решение о приобретении этих бесполезных в данных условиях печей?!). Когда я побывала в поселении зимой, у хозяйки стояла новая дровяная печка, похожая на ту, которая когда-то была у нее дома.

3.3. Коммуникация и социальные сети

Само поселение, в сравнении с другими созданными для беженцев поселками, считается небольшим (чуть больше 100 коттеджей). 80% жителей поселения до вынужденного перемещения жили раньше в одном селе. Несмотря на это, между собой в основном общаются жители одного ряда домов, а особенно соседних коттеджей. В некоторых случаях бывшие соседи стали соседями и в новом поселении. Женщины общаются и обсуждают общие дела в тонэ, при выпечке хлеба, у кранов, когда там собирается очередь за водой. Постоянное место активной коммуникации – маршрутка, курсирующая дважды в день в районный город и обратно. Наиболее часто обсуждаемые темы – это жизнь до переселения, гуманитарная помощь, староста, политика, Министерство по переселениям. Мужчины чаще общаются на улице и в домашней обстановке, где разговоры более открытые и критичные.

Место для общения подростков и молодежи – это так называемый “13-й район”, который расположен где-то в центре поселения. “Биржи” 13-го района – места встреч подростков и молодежи, где происходят разборки, решаются споры и т.д. Примечательно, что сюда приходят и подростки из соседних деревень. Местные и перемещенные дети ходят в одну школу, расположенную в 20 минутах езды от поселения. В первое время отношения между ними были напряженными, но со временем наладились.

В “прошлой жизни” общение соседей и родственников происходило большей частью за частыми застольями с вином, особенно в свободные от сельскохозяйственных работ периоды. Сельские собрания проводились в свободном здании, которое впоследствии было разрушено

землетрясением, после чего местом собраний стал заброшенный вагончик. Сегодня иностранные доноры планируют, что важнейшим публичным местом, где люди будут общаться, станет строящийся Social Community Center. Однако сами жители полагают, что это место будет использоваться, в основном, лишь для проведения торжественных церемоний свадеб и похорон.

То, что жители поселения – выходцы из одного села, облегчает им социально-экономическую и психологическую адаптацию. Слухи о возможном переводе людей в другие поселения были восприняты как начало трагедии: *“Да я этого не выдержу, мне то помогает, что все мои [односельчане – Е.Ц.] здесь”*. Примеров солидарного поведения очень много. Привожу только те, которые я наблюдала.

- Закончившие работу в тонэ женщины, уже испекшие по 20 хлебов и очень уставшие, не ушли, а остались для того, чтобы помочь тем, кто еще не закончил работу.
- У жаркого тонэ непросто работать, особенно тем людям, у кого скачет давление. Близкие соседи делились между собой хлебом, что давало им возможность не работать в тонэ каждый день и более эффективно использовать свое время и силы.
- Моя хозяйка часто не садилась обедать без своей пожилой подружки-соседки, у которой были проблемы в семье.
- Молодой человек из поселения нашел где-то усыпанное плодами ткемалевое дерево. Он сказал об этом нескольким женщинам, и они собрали ткемали и сварили на зиму.
- Люди оставляют соседям удостоверения личности, когда выезжают из поселения, чтобы те взяли полагающуюся им гуманитарную помощь.
- Соседи моей хозяйки знали, что я плачу ей за проживание, и часто просили займы. Она никогда и никому не отказывала.

Люди не хотят потерять то ценное, что было в их отношениях до перемещения, и проявления солидарности и взаимопомощи говорят об этом. Однако критическая ситуация испытывает прежние отношения, обнажает скрытые человеческие качества: *“У этого беженства я увидела положительный момент. Что есть в кувшине, то из него и выльется. Каждый человек проявился – кто, что из себя представляет”*.

Я столкнулась с ситуацией, когда женщине пришлось выбирать: “быть как все” или улучшить свой быт, дав согласие на предложение сделать душевые ей и еще нескольким семьям. В этой ситуации она выбрала первое – “быть как все”: *“Если вы сделаете душевые мне и еще двум семьям, тогда все поселение сойдет с ума. Или у всех должны быть, или ни у кого”*.

Новые вызовы инициировали смену авторитетов, формальных и неформальных лидеров. Прежние авторитеты потеряли свой статус, круг авторитетов сузился. Один из прежних лидеров тяжело переживал потерю своего статуса. Он пытался бороться за восстановление своих прав, но его объявили “оппозиционно мыслящим”. На первые роли вышли молодые, поддерживающие действующую власть. Есть и другие случаи: один мужчина, который был влиятельным авторитетом в селе до переселения, и в настоящее время сохранил этот статус, участвовал в распределении коттеджей, а сейчас работает в госструктуре. Поддержка власти, причастность к властным структурам дают людям возможность “оставаться на плаву” независимо от их возраста и прежнего авторитета.

3.4. Общественная активность и власть

Жители поселения осторожны в высказываниях, особенно когда речь заходит об отношении к власти. Они обсуждают политику между собой, но говорить об этом в присутствии посторонних воздерживаются. Даже моя хозяйка, с которой у меня сложились близкие отношения, в такие моменты напрягалась и старалась перевести разговор на другую тему. Люди считают разговоры о власти для себя небезопасными.

Ситуация, которую я не могу описать в деталях из соображений исследовательской этики, но которую я все же хочу затронуть хотя бы в общем виде, иллюстрирует небезосновательность самоцензуры. К середине моего пребывания в поселении со мной неожиданно разговаривал мужчина, который до этого держался на дистанции: *“Я знаю всю правду, что и как здесь. И я тот человек, с которым ты должна говорить”*. Он рассказал мне о несправедливом отношении к нему и членам его семьи при распределении ресурсов. Когда он попытался бороться, предъявляя неопровержимые факты, ему пригрозили, что члены его семьи могут потерять имеющиеся позиции. Этого человека заставили замолчать.

Из отдельных разговоров вырисовываются ожидания жителей от властей. Ждут они, в первую очередь, решения тех проблем, с которыми ежедневно сталкиваются и с которыми не могут совладать самостоятельно (проведение воды и газа в коттеджи, обеспечение информацией, трудоустройство). Однако люди готовы просить, но отнюдь не настроены решительно отстаивать свои права хотя бы на местном уровне.

В каждом поселении есть староста, который назначается органами местного самоуправления. Основная функция старосты – быть посредником между сообществом и властью. За три недели моего пребывания в поселении старосту сменили дважды. Староста и недовольство им – одна из активно обсуждаемых тем. Люди обвиняли каждого старосту в пассивности, некомпетентности, необразованности, предвзятости, а также в том, что он использует свою власть для предоставления привилегий своим родственникам и близким: *“Чтобы быть старостой, надо быть энергичным и напористым”*; *“Такой недеятельный устраивает правительство, местную власть”*; *“Да что там, оказывается, его хвалят и спасибо говорят за хорошую работу”*. Правда, у меня создалось впечатление, что люди используют фигуру старосты для того, чтобы перенести ответственность за свои проблемы на другого.

Хотя население недовольно работой каждого старосты, это не связывается с тем, что это назначаемая, а не выборная должность. Создается впечатление, что к самой процедуре выборов люди равнодушны. Это подтверждает и мое наблюдение. Так, по инициативе UNHCR и World Vision в поселении проводились выборы инициативной группы из 10 человек. Ящик для голосования стоял у дома старосты. Соседка, с которой я пошла на “избирательный участок”, сказала: *“Приму участие, возможно, и выберут моего кандидата. С самого начала члены группы не будут получать вознаграждение, а потом, говорят, с 2010 года будут...”*. В основе мотивации информантки была материальная заинтересованность, а не желание принять участие в изменениях в своем поселении. А родственница старосты не уставала повторять: *“Это что за люди... Чтобы быть активными и самим внести вклад – этого не хотят. Когда я ходила от двери к двери, то столько ругани пришлось выслушать: “Да ну их, эти ваши выборы!” – говорили”*. Скорее всего, общественная активность этой женщины объясняется близким родством со старостой. Могу предположить, что если бы не родственные узы, то она вела бы себя столь же пассивно, как и другие.

С полудня до двух часов дня проголосовала всего одна женщина, которая комментировала свой выбор словами: *“Понятия не имею, кого записать, кому дать голос”*. Этот пример демонстрирует, что люди не видят смысла в выборах, не верят, что их голос может на что-то повлиять. А ведь проходили выборы инициативной группы, которая, по идее, должна будет работать в интересах улучшения условий жизни поселения. По словам нескольких информантов, до переселения в выборах обычно принимало участие около половины жителей села. Радикальные изменения в жизни людей вызвали недоверие к властям и игнорирование выборов.

Бросающиеся в глаза самоцензуру и гражданскую пассивность я бы объяснила несколькими факторами:

- На момент исследования грузинское общество было сильно политизировано и расколото на сторонников власти и оппозиции. В этой ситуации перемещенные выбрали позицию “помалкивать”, поскольку считают, что они уже “выпили свою чашу до дна”.
- ВПЛ боятся потерять хотя бы то, что получают от власти – приватизацию коллективных центров, выдачу компенсаций “отказникам”, гуманитарную помощь, личные статусы и привилегии т.д.
- ВПЛ из Южной Осетии – сельские жители, сохранившие советскую ментальность и не приобретшие навыков в отстаивании своих прав.

Я могу привести лишь два примера, когда люди предприняли попытку отстоять свои права и добились своей цели. Первый пример я наблюдала своими глазами. Проблема была связана с земельными участками, которые обещали раздать, а потом отказали под предлогом того, что у земли оказался хозяин. В поселении прошло большое собрание, приехали официальные лица, представители местного самоуправления и сам хозяин. В итоге конфликт был разрешен в пользу жителей.

О другом случае мне рассказали. Недавно всему поселению отключили свет за неуплату. Жители перекрыли центральную магистраль и свет им дали, хотя власти по сей день требуют оплатить расход электроэнергии, что является пока невыполнимым требованием.

3.5. Молодое поколение

Как живет и планирует свое будущее здешняя молодежь? Молодые мужчины в основном связывают свое будущее со службой в армии. Они мотивируют это желанием быть полезными родине. Вместе с тем, перед ними пример тех юношей из поселения, которые уже служат в армии и имеют стабильный доход, дорогие мобильники, красивую военную форму. Более весомая причина ориентации на службу в армии заключается в том, что молодые не видят других реальных перспектив в обозримом будущем. И раньше военную карьеру молодые мужчины считали престижной, но после перемещения это предпочтение связано с возможностью работать и иметь стабильный доход. Многие из тех, с кем я общалась, прошли организованные специально для них курсы по укладке кафеля, метлахской плитки и т.д., но работу себе так и не нашли. На единственную стройку, которая шла в тот момент в поселении, по словам представителя строительной компании, *“местных не брали”*.

Девушки больше ориентированы на продолжение учебы, чем юноши. Общие же стратегии молодых людей, вне зависимости от пола, связаны с трудоустройством и созданием семьи.

Мой первый контакт с молодежью из Южной Осетии состоялся через шесть месяцев после войны на одном из тренингов в Аджарии. В тот период они еще жили во временных убежищах и были в ожидании очередных перемен, связанных с решениями сверху (возможность возвращения, перемена места жительства, ожидание компенсации и др.). Из-за неопределенности положения разговоры о будущем и его планировании были для них не актуальны. Они ощущали обиду, свою неполноценность, беспомощность и страх перед будущим. Для того, чтобы избежать *“пренебрежительного и насмешливого”* отношения со стороны местного населения, молодые беженцы стремились ограничить общение с местной молодежью и предпочитали самоизоляцию. После перевода людей в поселения интенсивность контактов с местным населением еще более снизилась, зато ослабли и причины для взаимонепонимания и конфликтов. Однако это также создало препятствия на пути интеграции в местное сообщество и ограничило спектр возможностей в планировании будущей жизни.

По моим наблюдениям, молодежь не проявляет активность в делах сообщества. Так, когда решался вопрос распределения дополнительных земель, и возник конфликт с представителями местного само-

управления, молодые люди вообще не принимали участия в споре, а грелись недалеко на солнышке, хотя среди представителей гамгеоба тоже была молодежь. Можно предположить, что в последних они видели людей, причастных к власти и в силу этого более успешных, и посему предпочли своим поведением демонстрировать безразличие к происходящему.

Обращало на себя внимание и то, что на улицах поселения нет играющих детей, хотя это было время летних каникул. Если я встречала ребенка на улице, то чаще всего он шел, опустив голову. Я решила найти удобный случай, чтобы поближе пообщаться с детьми. Их было пятеро, четыре девочки и мальчик. На мой вопрос, во что они обычно играют, дети ответили, что здесь не играют, а дома (имея в виду родную деревню) все время играли. Мое предложение поиграть не вызвало у них энтузиазма, но постепенно они втянулись. Я предложила им поиграть в волшебную палочку, исполняющую желания. Почти все дети сказали, что самое большое их желание – вернуться в родную деревню. К этому одна девятилетняя девочка добавила: *“Мое самое большое желание – восстановление территориальной целостности Грузии...”*. В этом высказывании маленького ребенка можно видеть, какую роль играет усвоение властного дискурса – уже в таком юном возрасте дети знают, что следует говорить публично.

В поселении есть развлекательный центр, летом он пустует, но иногда родители водят туда детей зимой. Изменения в поведении детей (раньше играли, а теперь – нет) связано с потерей любимых атрибутов их прежней деревенской жизни – плескание в речке, “походы” в соседские сады, лазанья по деревьям и т.д.; а также со снижением роли детей в семьях из-за переключения взрослых на удовлетворение повседневных нужд.

3.6. Стратегии выживания и новые практики

ВПЛ из Цхинвальского региона – это сельские жители. Раньше они имели доход от продажи фруктов и другой сельскохозяйственной продукции. Несмотря на тяжелый крестьянский труд, у них были необходимые условия для успешной фермерской жизни: лучшие в Грузии плодородные земли, хорошие условия для полива и ухода за насаждениями, семейные традиции по работе на земле, стабильные рынки сбыта продукции и т.д. Решение правительства разместить этих людей в сельской местности, построить для них поселения и раздать земли,

скорее всего, связано с идеей воссоздать для людей прошлую жизнь. По моему мнению, для реального достижения этой цели в самом благоприятном случае должно пройти 10-15 лет, т.е. столько, сколько нужно, чтобы яблоня стала приносить доход!

Эти люди опять оказались привязанными к земле, хотя уже и земля значительно хуже, да и сами участки куда меньше. Без техники, без возможности регулярного полива, без удобрений и т.п. освоить новые земли будет для них очень сложно. И если в прошлой жизни земля была источником дохода, то теперь – источник для выживания, главная надежда людей. Поэтому сельскохозяйственная деятельность ВПЛ рассматривается как стратегия выживания, причем самая распространенная.

Не так давно каждой семье (коттеджу) раздали еще по гектару земли недалеко от поселения. Стратегии людей в отношении этих участков полярные: *“Ничего не хочу здесь сажать, если будет возвращение, то придется кому-то оставить...”*; *“А если не будет возвращения, тогда что? Лучше буду трудиться, свое делать... А если вернемся, я саженцы выкопаю и туда отвезу”*; *“Да, все посажу, что смогу посадить. Но для того, чтобы яблони стали давать урожай на продажу, надо 10-15 лет за ними ухаживать, поливать. А таких условий здесь пока нет”*.

Работа на земле и вообще ежедневная многочасовая физическая работа была частью привычного быта этих людей. Люди работают и сейчас. Но по сравнению с теми нагрузками, какие у них были в родном селе, *“это – ничего”*. Если тогда перенасыщенная трудом жизнь была причиной ворчания, усталости, то сейчас, напротив, они ищут, чем бы заняться, чем загрузить себя дополнительно. Для людей это не только возможность чуть повысить уровень жизни, но и способ переключиться, не погружаться в неприятные раздумья: *“О чем ты говоришь?... Если я не буду работать, то свихнусь от своих мыслей”*.

Перемещение, как мощное потрясение, часто инициирует в человеке дремлющие в детерминированной жизни творческую и социальную энергии, заставляет его изыскивать в себе ресурсы, приобретать новые навыки и на основе этого выстраивать личные стратегии для выживания и достижения достойного уровня жизни. В основном, люди надеются на себя, на свои руки и труд. Но степень оптимизма и веры в свои силы разная. *“Есть еще надежда, что в Грузии наступит мир, пройдет этот кризис, люди начнут работать и всем будет легче”*; *“Имею огромную надежду. Живу надеждой. Хочу везде попробовать*

судьбу, везде чего-то добиться, что-то суметь сделать. Верю, что и дом куплю, и всего добьюсь. Надеюсь на себя и верю, что чего-то большого добьюсь в жизни”.

Мне довелось познакомиться с целым рядом примеров практических инициатив, которые беженцы предпринимали для улучшения своей жизни. Они касались, в основном, организации малого бизнеса. Можно предложить следующую классификацию таких бизнес-попыток:

1. бизнес, ориентированный на предоставление товаров;
2. бизнес, ориентированный на предоставление услуг;
3. бизнес, организованный вне границ поселения.

1. Бизнес, ориентированный на предоставление товаров местному населению. В поселении работают три продуктовых магазина, которые предприниматели устроили в собственных домах. На котеджах нет надписей, указывающих, что это магазин, но узнать об этом нетрудно, т.к. с внутренней стороны окна прикреплены сигареты, конфеты и т.д. Лучше всего продаются *“сигареты, вытковка и куриные окорочка, последние люди покупают, когда у них гости”.*

Другой пример организации мелкого бизнеса демонстрирует женщина, привозящая из Лило (один из самых больших рынков в Тбилиси) одежду, постельное белье, покрывала, занавеси и перепродающая их в поселении. Конечно, для начала предпринимательской деятельности необходимы какие-то первоначальные накопления, которых у подавляющего большинства беженцев нет.

2. Бизнес, ориентированный на предоставление услуг. Одним из примеров такого предпринимательства является организация транспортного сообщения между поселением и районным городом, здесь два-три раза в день курсирует маршрутка. Люди ездят в райцентр за получением ежемесячной помощи, пенсии, на разные курсы, проводимые международными организациями (в этих случаях транспортные расходы оплачиваются этими организациями), за продуктами и т.д.

Другой житель поселения использует собственный микроавтобус для того, чтобы отвезти и привезти учителей и детей поселения в школу, которая находится в 20 минутах езды, и трижды в неделю отвозит старшеклассников на спортивную площадку при школе. Все это финансируется американской организацией.

Успешность бизнеса в обоих случаях обусловлена наличием собственного транспортного средства. Но можно привести пример и другого рода: Так, один из мужчин нашел себе работу контролера на посту около трассы.

3. Бизнес, организованный вне границ поселения. Здесь можно привести три примера. Первый – жительница поселения работает в городе продавщицей. Второй пример – молодой семейный мужчина взял в аренду грузовик, собирает сено и продает его в других селах. Благодаря этой работе и новым связям, он нашел новую работу – трехлетний контракт с хорошей даже по тбилисским меркам зарплатой. У семьи сразу появились планы – перебраться в районный город, снять там квартиру, отправить ребенка в школу в городе и т.д. Эта семья выделялась своим позитивным настроем, надеждами на лучший завтрашний день, энергией. Все эти примеры трудоустройства были обусловлены не в последнюю очередь наличием социальных связей.

Хочу упомянуть и еще об одной возможности заработка. Молодой человек служит в “спецназе”. Я разговорилась с его матерью в тоне: *“Его зарплату я собираю, но никогда не прикаснусь к его деньгам, да и с какой совестью потрачу? Мой сын каждый день жизнью своей рискует”*.

Возможности трудоустройства жителей поселения очень ограничены. Бывший староста поселения сказал мне: *“Я не работаю. В соседних селах ничего нет, а что касается Тбилиси, то если будет какая-то работа, только на дорогу сколько надо, чтобы туда-сюда ездить. А если каждый день работать, то там надо будет квартиру снимать”*.

4. Заключение

Многое из того, что делается для поселений, спонсируется международными организациями. Это гуманитарная помощь и программы развития, направленные на получение новых знаний и умений. Так, например, компьютерные курсы для жителей поселка проходили в районном центре, но зато участников обслуживала маршрутка, а в самом поселении для занятий была выделена комната с компьютером. Или, в период моего пребывания, можно было записаться на курсы подготовки стилистов, массажистов, визажистов и специалистов по керамике.

Однако анализ социальных следствий внешних инициатив – будь то государственные институты или международные организации – наводит на размышления об адекватности мер по поддержке беженцев. Эти сомнения связаны с нерелевантностью исследований потребностей ВПЛ, с одной стороны, и очень спорными рекомендациями так называемых экспертов, с другой. “Эксперты” наивно ставят себя на место беженцев и пытаются выдать свои представления о нуждах (в этом случае потребностях) ВПЛ. И это показывает, что они явно не понимают несопоставимость собственных представлений с представлениями крестьян, так как между мировоззрением и образом жизни крестьян и “экспертов” – целая пропасть.

Примеров ошибочных решений немало. Так, в исследуемом поселении мужчины прошли курсы по укладке кафеля и керамической плитки. Однако ни один не нашел впоследствии работы. Мой молодой информант прямо высказался: *“Да, я прошел курсы по укладке кафеля, а что дальше? Работы нет”*. Другой пример связан со строительством в поселке Social Community Center, организованным несколькими американскими организациями. По замыслу доноров, здесь должны собираться люди для обсуждения и решения различных вопросов. Однако само население явно планирует проводить здесь исключительно торжественные мероприятия типа свадеб и похорон.

Возможно (и это требует специальных исследований!) сегодняшняя политика поддержки и интеграции беженцев глубоко ошибочна. Власти подчеркивают, что размещение людей в созданных поселениях будет способствовать интеграции людей в местное сообщество. Такая постановка вопроса является, по крайней мере, спорной. С одной стороны, наличие собственного жилья должно способствовать интеграции. Но изолированность поселений от местного населения, отсутствие необходимой инфраструктуры и рабочих мест – все это факторы, которые явно препятствуют интеграции.

Можно предположить, что строительством поселений “типа деревень” и раздачей земельных участков власти стремятся воссоздать для людей их привычную прежнюю жизнь. Но возможно ли это в новых условиях? По данным отчетов международных организаций, во многих случаях розданные земельные участки находятся далеко от поселений или земли непригодны для сельскохозяйственных работ. И первое, и второе делает невозможным воссоздание крестьянской жизни.

С другой стороны, если путем строительства “деревень” власти действительно стремились воссоздать для ВПЛ прежнюю крестьянскую

кую жизнь, почему бы было не приобрести для них дома в различных селах Грузии? Это было бы экономически выгоднее для государства и удобнее для самих беженцев. В сельской местности множество домов на продажу (часто заброшенных), обжитые пространства с какой-никакой инфраструктурой, многолетние насаждения, пригодные для обработки земли и, конечно, куда больше возможностей для интеграции ВПЛ в местные сообщества.

И, наконец, возникают сомнения касательно того, что утеря всех прежних ресурсов, новый жизненный опыт, интерес к наблюдаемым практикам и жизненным стратегиям местного населения (особенно городского) не отразятся на установках беженцев (в первую очередь, молодого поколения!). Наши наблюдения убеждают, что далеко не все они по-прежнему будут стремиться к воспроизводству крестьянской жизни, что многие захотят получить образование, овладеть городской профессией или просто избежать “идиотизма деревенской жизни” (по выражению К. Маркса). И, может быть, куда эффективнее поддерживать и делать инвестиции в эти новые стратегии ВПЛ. Именно на это следует направлять дальнейшие исследования, которые вовсе не должны ограничиваться ничего не дающими для понимания беженцев опросами или даже формальными интервью, которые чаще всего невозможно интерпретировать адекватно смыслам, которые вкладывают в них сами информанты.